

**АНТИТЕЗА НАТУРАЛИЗМА И ФОРМАЛИЗМА.
ВЧЕРА И СЕГОДНЯ**

Н.С. ЮЛИНА

1. Джон Дьюи: натурализм против формализма

Тема данной статьи была подсказана моими исследованиями натуралистических и аналитических концепций американской мысли XX и XXI вв.¹ При знакомстве с литературой первой половины XX в. и современной литературой бросилась в глаза аналогия между нынешней оппозицией натуралистов и аналитиков-концептуалистов и оппозицией, которая обозначилась в начале XX в. между натуралистами и так называемыми формалистами. Конечно, нынешнее противостояние имеет место в существенно иной когнитивной культуре. Тем не менее, сходство есть. Я сочла, что сравнение этих оппозиций интересно не только с исторической точки зрения; оно помогает высветить какие-то повторяющиеся паттерны в движении философского знания – в понимании целей, предметного поля, методологии философии, и, что важно, в понимании ее автономии в сравнении с наукой.

Историки американской философии обычно выделяют натурализм в качестве одной из ее главных традиций, уходящей своими корнями в американскую мысль начала XX в. В 1947 г. в книге «Социальная мысль в Америке. Восстание против формализма» Мортон Уайт, сравнив взгляды философа Джона Дьюи, экономиста Торстена Веблена, правоведа Оливера Холмса и историка Чарльза Бёрда, констатировал, что, несмотря на различие предметных полей этим мыслителям было присуще «фамильное сходство» – «восстание против формализма». «В Америке Дьюи, Холмс и Веблен были лидерами кампании по очищению классической экономики и юриспруденции от остатков формальной логики и утверждению взгляда, что жизненным нервом науки, экономики и права является не логика, а опыт, понимаемый в виде некоей социальной непрерывности»². Отбросив идеализм, они стремились освободить все виды интеллектуальной деятельности от трансцендентальных подпорок, «абсолютов» и верховенства логики. Понятие «формализм», так же как и противопоставляемое ему понятие «историцизм» мыслилось довольно неопределенно. В широком смысле историцизм включал в себя социологизм, культурный релятивизм, эволюционизм, а также методы, позволяющие исследовать объект, не нарушая его органику.

Смысл антиформализма лучше виден, когда обозначены «противники». У Дьюи было два главных объекта критики: умозрительные

абсолютистские системы (Гегеля, Ф. Брэдли, Дж. Ройса и др.) и сложившаяся под влиянием Канта традиция, для которой была характерна приоритетная значимость категориальных схем и аналитических процедур, расчленяющих органическую целостность опыта. В противовес этим двум традициям Дьюи отдавал приоритет *praxis*'у и оправдавшим себя в науке экспериментальным, историческим, контекстуальным и прагматическим методам. Иначе говоря, в начале XX в. для Дьюи, и не только для него, актуальной была альтернатива: должна ли философия работать в стиле старой интеллектуалистской традиции или она должна обратиться к рефлексии конкретного опыта людей и науки.

Особенность позиции Дьюи состояла в том, что историцизм у него был соединен с натурализмом и своеобразным сциентизмом. В его главном труде «Опыт и природа» (1925) приводится много аргументов по обоснованию этих принципов, но во многом они остались расплывчатыми. Термин «натурализм», например, мыслился довольно туманно (да и сегодня он используется достаточно свободно). В общей форме под натурализмом понималось следующее: реальность исчерпывается природой и не содержит в себе ничего «сверхъестественного»; философии следует теснее связать себя с наукой в любой области, включая этику и социальную мысль. Тезис Дьюи о том, что социальные черты и качества человеческого бытия в конечном счете включены в систему знаний о природе, вызвал много нареканий. В рецензии на «Опыт и природу» Джордж Сантаяна заметил, что «природа» у Дьюи выступает в том виде, в каком она предстает в культурном опыте человека, а все содержание книги свидетельствует о его колебании между «природой как культурой» и «культурой как природой».

Критикуя формализм, Дьюи отнюдь не отрицал теоретичность философии и значимость формальных и технических процедур логики и науки. Более того, он мечтал сделать философию научной с тем, чтобы применить ее к образованию и освободить моральные представления людей от предрассудков. В науке ему виделся методологический регулятив интеллектуальной деятельности в любой сфере.

Как и понятие «натурализм», понятия «наука» и «научные методы» он трактовал по-своему. В натурализме он акцентировал не онтологию (что есть природа?), а методологию (как следует познавать природу?). Главным признаком научного метода Дьюи считал нескончаемый «поиск» (*inquiry*), целью которого является истина. Лучше всего поиск представлен в науке. Поэтому понятие «поиск» тоже следует сделать центральным в философии. Этот тезис Дьюи сопровождал важной оговоркой. Не следует ожидать, что поиск приведет к достоверной истине, результатом всегда будет только совершенствование инструментов поиска. При всем том, что на протяжении всей жизни Дьюи был рьяным защитником научной философии, а слово «scientific» фигурировало у него при обсуждении всех проблем, его имя вряд ли можно сопрыгать с

именами философов, занимавшихся логико-методологическим анализом науки, например, с именами Б. Рассела, раннего Л. Витгенштейна, М. Шлика, Р. Карнапа по той причине, что эти мыслители были сориентированы на «формальные» дисциплины — математику, логику, теоретическую физику. У Дьюи образ науки — «неформальный». Под «наукой» он понимал любой вид теоретического поиска, применяющего методы наблюдения, эксперимента, проверки. Особо ценимыми им были прикладные науки — инженерия, медицина, архитектура с их очевидной практической полезностью для людей. Что касается фундаментальных наук — математики или теоретической физики — они не казались ему базисными, поскольку в них отсутствовала ценностная компонента. Путь к обретению философией научности ему виделся не в освобождении от ценностных нагрузок, а в сознательном превращении этих нагрузок в главные.

В написанном в 1948 г. новом «Введении» к переизданию «Реконструкции в философии» он сослался на слова английского ученого Д. Дарлингтона о значимости революций в науке. В стиле своих установок он сделал вывод, что философия тоже должна находиться в непрерывном процессе реформ, но не забывать о главном — о применении ее выводов к жизни людей. «То, что в последние два столетия сделано учеными в отношении физических и физиологических условий жизни, следует сделать и по отношению к человеческим делам и морали»³. Однако эта цель не была реализована. Более того, философия «сделала шаг назад, погрузившись в пустопорожние логические рассуждения»⁴. Он с сожалением констатировал, что сегодня философы увлечены логицизмом, совершенствованием формальной стороны аргументации в ущерб ее социальному и моральному предназначению.

Антиформалистские установки Дьюи не могли не вступать в противоречие с реальными установками науки. Еще при его жизни наука приняла абстрактный и формальный характер: в ней ценились точность, аналитичность, ценностная нейтральность и эффективность. После Хиросимы и Нагасаки началась ядерная гонка вооружений, оказавшая огромное влияние на характер и направление академических исследований. Философам, стремившимся уважать науку и одновременно бороться с формализмом во имя сохранения ценностной составляющей человеческого опыта, сделать это было нелегко. Сторонникам классического прагматизма стало трудно конкурировать с появившимися на американской сцене концепциями аналитических философов, «формализм» которых в большей мере отвечал новым образцам академической работы. Напомним также, что в 30 — 40-е годы активно начали работать Уиллард Куайн, Мортон Уайт, Кларенс И. Льюис, много сделавшие по части введения в американскую философию аналитических формальных методов.

2. Р. Рорти и С. Фиш:

иллюзорность оппозиции «натурализм – формализм»

Прагматизм Дьюи оказался хорошей базой для разных интерпретаций (может быть, в силу его расплывчатости). Одни философы подхватили его натуралистические идеи (А. Эйдел, Э. Нагель, С. Лампрехт, Ф. Вудбридж, П. Куртц, Ю. Бачлер, Рой В. Селларс). Другие, как например, адепт прагматизма Сидней Хук, предложили осовременить прагматизм введением в него строгих аналитических методов. И, конечно, не остался в стороне Уиллард Куайн, предложивший версию аналитического прагматизма и бихевиористского натурализма.

Были и такие неопрагматисты, которые посчитали самым ценным в наследии Дьюи совсем другое – историцистские и релятивистские идеи. Ярким представителем такой поросли неопрагматизма был Ричард Рорти. Что касается натурализма Дьюи, его Рорти посчитал изъясном. Примечательно, что себя он называл «более решительным натуралистом», нежели «фанаты» естественных наук среди аналитических философов. Однако смысл натурализма Рорти сводил к признанию непрерывного каузального взаимодействия человека с окружающим миром и природой, а вовсе не к тезису, что естественные науки сообщают истину о природе. Исходная ошибка всех традиционных философов состоит в том, что знанию приписывается более высокий статус, нежели мнению. В этом сказываются «пережитки платоновской зацикленности на присущем математике типе достоверности, а в общем виде – навязчивая идея, что универсальное, будучи вечным и необусловленным, тоже каким-то образом дает возможность избежать частичного, временного и обусловленного»⁵. Эти пережитки характерны и для нынешних аналитических философов, вводящих в философию строгие технические процедуры. В нашумевшей статье «Американская философия сегодня» (1982) Рорти обвинил этих философов в заимствовании типа дискурса из науки «в надежде приблизиться к универсальному»⁶. Такая цель иллюзорна, философия навсегда останется только мнением, «разговором в сообществе». Одним словом, если в инструментализме Дьюи «истина» хотя и не обладала статусом «достоверности», но все-таки выполняла роль регулятивного идеала, то Рорти предложил отбросить это понятие: мы всегда замкнуты границами того или иного языка (формального или неформального) и лишены возможности выразить подлинный каузальный контакт с реальностью.

Другой зараженный постмодернизмом неопрагматист – Стенли Фиш – пошел еще дальше. Характерное для старого прагматизма противопоставление антиформализма формализму, считает он, не имело под собой никаких оснований. Атака Дьюи на формализм с использованием инструментализма не имела смысла потому, что и формалисты, и антиформалисты занимались одним и тем же – «производством текстов» в рамках и применительно к интересам того или иного «интерпретативного сообщества» (*interpretive community*). Не наука, а «интерпретатив-

ное сообщество» диктовало философам теоретические и методологические установки. На каком бы языке они ни писали, формальном или неформальном, их суждения о мире или суждения о ценностях всегда производили только тексты⁷.

3. Современная антитеза формализма и натурализма: методологический дуализм

Современные философы отнюдь не игнорируют аргументы интерпретивистов и критиков эссенциализма. Однако есть много проблем, где они малопродуктивны. Например, в объяснении феномена сознания, т.е. онтологической проблемы. Что бы Рорти ни говорил о том, что проблема сознания/тела – не «преднайдённая», а «придуманная» Декартом, – все же она остается фактом естественного для человека интуитивного осознания себя, который диктует свои правила исследования. Философы видят свою задачу в объяснении этого непонятого факта с помощью своих дисциплинарных средств, но в то же время не вступая в противоречие с наукой. Как и во времена Дьюи, испытывая давление авторитета науки, они ищут методы приспособления стандартов ее работы для своих нужд с тем, чтобы сохранить свое собственное философское лицо.

Для целей нашей статьи, т.е. для прослеживания развития на протяжении XX в. антитезы натурализма и формализма, важно иметь в виду следующий расклад. В современной философии (в философии сознания особенно наглядно) сложились две методологические стратегии (или методологический дуализм). Сегодня их называют по-разному: «концептуализмом» и «методологическим натурализмом» или «априоризмом» и «апостериоризмом». Некоторые обозначают их старой оппозицией «De Dicto versus De Re» (Фрэнк Джексон). Используя язык Дьюи, можно сказать, что концептуалисты (априористы) являются «формалистами», противопоставляющими свой тип философской работы типу работы методологических натуралистов. Различие между этими двумя стратегиями не вылилось в жесткую демаркацию, порой оно условное, поскольку признается авторитет науки. Тем не менее, эти две линии анализа имеют место, и они существенны, поскольку, в конечном счете, речь идет о понимании тонких взаимоотношений философии с эмпирическим знанием.

Натурализм против концептуализма. Прежде чем мы подойдем к содержательному рассмотрению методологической оппозиции концептуализма и натурализма, следует заметить, что ни один из этих терминов не имеет четкого определения. Как и во времена Дьюи, термин «натурализм» до сих пор толкуется достаточно расплывчато. Необходимость определения границ его содержания возникла в последние десятилетия с умножением проблем и оттенков концепций, особенно зримо проявившихся в философии сознания. Общее его определение как позиции исключающей апелляцию к «сверхъестественному» и удвоение реаль-

ности на ментальное и физическое стало недостаточным. Требовалась расшифровка применительно к решению конкретных проблем (интеграции тела и сознания, ментальной каузальности, феноменального и когнитивного и др.).

Сейчас принято подразделять натурализм на онтологический и методологический. Первый нацелен на объяснение природы реальности при посылке, что в ней нет места для ментальной субстанции. Его движущим мотивом является потребность объяснения, каким образом можно интегрировать различные типы явлений (материальные, ментальные, моральные, социальные) в каузально закрытый пространственно-временной мир. В отличие от онтологического, предметом методологического натурализма является *философская практика*, а главным вопросом – какие *средства должны применяться при исследовании реальности*. Должна ли философия ограничиваться своими особыми концептуальными инструментами, или она может что-то заимствовать из научной информации и даже научных методов? Предметом нашего рассмотрения будет именно эта дилемма.

В «Стенфордской энциклопедии философии» Дэвид Папино (проф. Кингс Колледжа в Лондоне) пишет: «...давайте будем понимать под методологическим натурализмом утверждение, согласно которому в основании и философии, и науки лежат одни и те же методы и цели, а именно, получить синтетическое знание о естественном мире, в частности знание законов и каузальных механизмов, а достигается это путем сравнения синтетических теорий с эмпирическими данными»⁸. Папино поясняет, что методологические натуралисты, конечно, не отрицают определенного различия между философией и наукой, однако считают, что на практике оно размывается. Различие состоит не между целями и методами, а в фокусировке в философии особого типа вопросов, для которых характерна высокая степень обобщения. Там, где ученые обсуждают проблемы молекул или электронов, философы обсуждают проблемы пространственно-временной континуальности, универсалий, статус сознания в каузальном мире, отношение теоретического и эмпирического и т.п. Высокий уровень генерализации философских вопросов важен, поскольку в этом случае структурируется общее представление о естественном мире. Такого рода представление вряд ли когда-либо будет достигнуто на основе простого эксперимента или эмпирических данных. Тем не менее, являясь синтетическими теориями о естественном мире, они, в конечном счете, и часто косвенно, либо подтверждаются, либо опровергаются эмпирическими данными.

Концептуализм против натурализма

Стратегии концептуалистов (априористов), как и стратегии методологических натуралистов, тоже вряд ли можно дать четкое определение. В общей форме можно сказать, что она характерна для «чистых» анали-

тиков. Прежде, чем говорить о чем-то — о сознании или о мире в целом, нужно посмотреть, правильно ли мы выбрали предмет анализа, определили цели и средства исследования и вообще насколько грамотен наш концептуальный аппарат. В философскую грамотность входит очень многое. Установление однозначного смысла высказываний, приведение референций понятий, анализ посылок, оснований, критериев, различение необходимых и достаточных условий истинности, соблюдение требований структурной и логической когерентности и др. Желательно, чтобы высказывания, принимаемые за истинные, были истинными во всех возможных мирах.

Одним словом, «чистые» аналитики предпочитают обсуждать философские проблемы с помощью инструментов концептуального, лингвистического и логического анализа. Далеко не все из них делают вывод, что философские проблемы по своей природе носят исключительно лингвистический характер. Просто перевод их в языковой модус речи — *De Dicto* — и анализ того, правильно ли мы говорим о них, является хорошим способом их прояснения и решения, поскольку в материальном модусе речи — *De Re* — это сделать невозможно. Иначе говоря, установочным является тезис, что первичным предметом философии является способ говорения о мире, а не конструкция синтетических теорий со ссылкой на эмпирические факты.

Важно иметь в виду следующее. Отказ априористов от опоры на конкретно-эмпирические факты науки вовсе не означает принижение ее статуса. Не означает это и отказ от метафизики, как это было у Витгенштейна. Нынешние концептуалисты могут быть сторонниками физикалистской метафизики, озабоченными интеграцией философского представления о сознании, человеке и нормах его жизни в картину, рисуемую наукой. Однако, считают они, делать это нужно с помощью концептуальных средств, специфических для философии, а не методов, заимствованных у науки. Например, аналитик Дональд Дэвидсон считал, что попытки включить эмпирические результаты в истинные высказывания всегда заканчиваются дуализмом схемы и содержания, иначе говоря, сравнением одной концептуальной схемы с другой. А физикалист Джегвон Ким считает эмпирические данные науки безотносительными к философии.

Контраргументы натуралистов. У методологических натуралистов несколько иное мнение о практике философии. Они упрекают аналитиков-концептуалистов в «методологическом солипсизме». Говорят о том, что их споры давно ходят по кругу, не дают ощутимых результатов, кроме порождения все новых и новых «пазлов», и без рефлексии о новых научных фактах не имеют шансов на прогресс. Конечно, никто не отрицает важности концептуального анализа для грамотного философского разговора о мире, но его считают вспомогательным. Содержательно он мало что сообщает нам о не-концептуальном мире.

Чтобы философия не оказалась в изоляции, она должна заниматься рефлексией о поступающей из науки информации, оценивать гипотезы и данные когнитивных наук, нейронаук, физики, эволюционной биологии, компьютерных наук и т.д. (В свое время К. Поппер заметил, что наиболее интересные проблемы философии подбрасывает наука.)

Концептуалисты глубоко заблуждаются, говорят натуралисты, представляя концептуальный анализ самодостаточным и беспредпосылочным. Понятия, которыми они оперируют, теоретически нагружены, в том числе содержанием, добытым в естественных науках. Они сопряжены с синтетическими теориями, которые фигурируют в том или ином сообществе и именно эти теории детерминируют их содержание и выводы. Не следует также забывать, что сам тип анализа, который они практикуют, например, установление точного смысла понятий, выявление референций, требование логической и структурной когерентности, и др. почерпнут из точных наук. А метафизика супервентного физикализма построена на принятом в науке тезисе о каузальной закрытости Вселенной. Если взять этот тезис за основу, следует признать, что он является не априорной, а апостериорной истиной. В конце концов, даже философы, подозрительно относящиеся к науке, должны допускать, что философский анализ время от времени должен включать привязку к каким-то научным открытиям.

Контраргументы априористов. Для «чистых» аналитиков критические суждения натуралистов-апостериористов неубедительны. Ошибочность их стратегии состоит в том, что она нарушает философские каноны, согласно которым философское объяснение предполагает эпистемологическую нормативность; последняя включает в себя анализ понятий, посылок, оснований и т.д., а не конструкцию синтетических теорий. Не может служить весомым аргументом и отсылка к тем или иным научным фактам, поскольку каждый факт (а тем более гипотеза) все равно выражена в той или иной концептуальной схеме и может быть интерпретирована по-разному. Достаточно напомнить о разных интерпретациях фактов квантовой механики, эволюционной биологии, искусственного интеллекта, открытий нейронаук. Методологический натурализм, в общем и целом, ориентирован на стандарты естественных наук. Между тем некоторые области философии — этика, политическая философия, эстетика — имеют дело с ценностным нормативным материалом. Маловероятно, что к ценностным сферам смогут быть применены те же самые методы исследования, которые применяются в эмпирических науках.

На это возражение у методологических натуралистов наготове такой контраргумент: предметом априористов на самом деле является метаэтика (а в общем виде мета-нормативность). В ней анализируются структуры и понятия моральных, эстетических, правовых высказываний, а не первичные факты мира, например, факты моральных поступков,

демократии, суверенитета, национальных и религиозных конфликтов и т.д. Если аналитическая нормативная философия ограничивает себя метауровнем, это не представляет большой ценности для решения настоящих практических проблем. В ответ концептуалисты утверждают, для того, чтобы избежать ошибок при решении ценностных проблем реальной практики, необходим тщательный анализ концептуального аппарата, без чего ценностные суждения на практике будут путанными и противоречивыми. Но, пожалуй, самый большой грех натуралистических методологов априористы видят в том, что их стратегия ведет к превращению философии в лучшем случае в отрасль философии науки, в худшем — в отрасль науки, а такое движение чревато подрывом автономии философии. Угроза вполне реальная, например, в свете бурного развития разнообразных междисциплинарных исследований, в которых собственно философские исследования оттесняются на второй план.

Действительно, такая угроза есть. В 2007 г. вышел большой коллективный труд «Пособие по сознанию», изданный издательством «Блэквелл» и задуманный как попытка осуществления междисциплинарного подхода. В число его авторов входят известные философы, физики, биологи, нейробиологи, психологи, специалисты по когнитивным наукам и др.⁹ Даже при беглом его просмотре бросается в глаза разница между содержанием работ философов и ученых. По сути, труд представляет собой не столько перекрестный междисциплинарный диалог, сколько мультидисциплинарную презентацию разных подходов. Однако влияние философов на ученых все же заметно; ученые явно реагируют на «пазлы», которые время от времени подбрасывают им философы (проблема квалиа, «объяснительная пропасть», «связующие законы» и др.). Примечательно однако, что не-философские статьи о сознании выступают уже под новым зонтиком — «consciousness studies». По мнению Бернарда Баарса, «научные изучения сознания отличаются от философских исследований в одном важном отношении: они должны рассматривать сознание как тестируемую переменную»¹⁰. Тем не менее, ряд ученых отмечают, что хотя за последние 20 лет в научных исследованиях отношения сознания и мозга достигнуты поразительные успехи, все же это не повод для оптимизма. Несмотря на большой прогресс, сознание остается столь же иллюзорным феноменом, как и прежде»¹¹, считают Ф. Крис и Р. Джирейнт. И все же многим видится реальная перспектива не в появлении «прорывных» философских концепций, а в создании широкого фронта эмпирических исследований и изучении «локальных» тестируемых фактов, на основе которых постепенно будет вырисовываться более ясная картина сознания.

Сказанное выше о диверсификации методологий следует иметь в виду, когда стоит задача оценки полемики философов. Исходя из разного понимания «полевого материала» и методологии философской работы, представители разных методологических стратегий часто не

приемлют аргументы друг друга и не ссылаются друг на друга. В книге «Сознание объясненное» (1991) натуралист Деннет оговаривает, что в объяснении сознания его интересовали не столько аргументы концептуалистов, сколько идеи, поступающие из эволюционной биологии, компьютерных и когнитивных наук. А в книге «Свобода эволюционирует» (2003), обосновывая совместимость свободы и детерминизма (принцип компатибилизма), он пояснил, что сегодня он предпочитает спорить не с этиками-концептуалистами, а с авторами, сведущими в науке. Аналитики-концептуалисты, конечно, не остаются в долгу. Джерри Фодор, например, не приемлет аргументы «отступников» от чистой философии – Дэниела Деннета и Джона Сёрля, прибегающих к натуралистическим аргументам, чреватым логическими и концептуальными ошибками. Например, выбранный Деннетом оплот – эволюционная теория Дарвина – толкуется по-разному и не может служить веским аргументом. В свою очередь, Деннет счел манеру дискуссии Фодора устаревшей: ему важно только строгое выведение аргументов из изначальных принципов.

Как мы уже сказали, в своей реальной работе по решению философских проблем философы часто переходят границы между концептуализмом и методологическим натурализмом. Типичным примером может служить философия Дэвида Чэлмерса. Он – концептуалист и в то же время натуралист, точнее, «натуралистический дуалист», как он называет себя. (Но сейчас мы отвлечемся от смысла его дуализма.) С его точки зрения, философия как была, так и остается спекуляцией о мире, однако она может оторваться от мира, если не будет присматриваться к научным гипотезам. Чэлмерс – один из немногих аналитиков, серьезно размышлявший о квантовых подходах к сознанию (Роджера Пенроуза и Генри Стэпа), нейрофизиологических гипотезах (Фрэнсиса Крика и Кристофа Коха), компьютерных подходах. При этом натуралистические склонности и интерес к науке не мешают ему удерживаться на философском поле и защищать его независимость.

4. Априоризм, апостериоризм и априорное синтетическое суждение

Обозначив две линии в понимании философской практики, следует оговорить, что они сложились не только в результате метафилософских дискуссий о взаимоотношении философии и науки. Важно иметь в виду следующее: острые споры по поводу практики и методов исследования философских проблем, в частности проблемы сознания, идут не только между сторонниками междисциплинарного и философского подходов, но и внутри аналитической философии. Именно здесь поднимаются теоретические и логические проблемы, разводящие концептуализм и натурализм. А главной проблемой является разное отношение к поставленному еще Кантом вопросу: «Как возможны априорные синтетические суждения?»

Коротко напомним историю. Идея Канта состояла в том, что априорное знание может быть выведено с помощью трансцендентальной дедукции из возможностей опыта, а сама возможность опыта зависит от наличия априорных категорий. Вместе с тем Кант утверждал, что нам доступно знание о том, что миру свойственны определенные синтетические черты (причинно-следственные каузальные связи событий, их объективное пространственно-временное расположение и т.д.), поскольку без них опыт был бы невозможен. В то же время опыт не может быть их источником. Выступая против эмпиризма сенсуалистов, Кант считал, что категории входят в истины, которые одновременно являются и априорными, и синтетическими. Но эти истины применимы только к возможному опыту (например, «каждое событие имеет причину»). Применимость априорного синтетического суждения он признал и по отношению к высказываниям рациональной психологии. По большому счету кантовское объяснение априорного синтетического знания было нацелено на то, чтобы, не отбрасывая науку, обособить философию и доказать ее самостоятельность.

Долгое время после Канта принято было считать, что существует принципиальное различие между аналитическими высказываниями, истинность которых определена значением используемых в них терминов (истины логики и математики), и синтетическими высказываниями, истинность которых зависит от эмпирического подтверждения (истины эмпирических наук). Например, считалось, что высказывание «все холостяки неженаты» является аналитическим, поскольку оно истинно или ложно уже по содержанию значения терминов, а высказывание «все лебеди белые» является синтетическим, поскольку его истинность или ложность зависит от обнаружения эмпирических фактов о мире. Обнаружение в Австралии черных лебедей сделало ложным когда-то считавшееся аналитически истинным высказывание «все лебеди белые». Доктринальный тезис о резкой дихотомии аналитических и синтетических суждений с некоторыми модификациями разделяли неопозитивисты.

Уиллард Куайн подверг критике такое противопоставление. Контраргумент коротко состоял из следующих положений: 1) идея неопозитивистов (и Канта) о существовании аналитических истин, являющихся априорными и независимыми от всякого опыта, является ложной; даже предложения логики и математики принимаются не в силу их априорности, а по эмпирическим соображениям; 2) аналитические и синтетические высказывания ревизуются в зависимости от обнаружения новых фактов; 3) между предельными случаями аналитических и синтетических суждений нет непроходимой границы: между ними лежит континуум высказываний, имеющих прагматическую направленность и в конечном счете, зависящих от эмпирических фактов.

Куайн отверг не только идею о возможности априорного синтетического знания, но и идею о возможности априорного аналитического знания. Априоризму он противопоставил эмпирическую позицию, а именно, что все истины являются синтетическими, хотя они не всегда являются эмпирическими обобщениями. Высказывания геометрии, математики и логики считаются истинными в силу систематической эффективности этих дисциплин в создании общей картины мира. Это относится и к другим дисциплинам.

Отказ Куайна от дистинкции аналитического и синтетического, его тезис о неправомерности приписывать истинность априорным синтетическим суждениям и априорным суждениям вообще, его квалификация «натуралистической эпистемологии» как ветви эмпирической психологии, создали теоретическую почву для натуралистического синтеза философского и научного знания. Все эти идеи оказали большое влияние на понимание практики философии.

Есть философы, которые готовы согласиться, что философия имеет дело с синтетическими утверждениями, но отвергают тезис радикального методологического натурализма о правомерности использования тех же методов, которые применяются в естественных науках по той причине, что философское знание является синтетическим, но *априорным*. Философия может разделять с наукой общую цель достижения субстанционального синтетического знания, но стремится к ней с помощью *априорных* методов, а не методов наблюдения и эксперимента. Одним словом, поставленный Кантом вопрос о возможности априорного синтетического суждения и сегодня является предметом острых дискуссий философов и логиков, но мы не будем его касаться, ибо он уводит в сферу очень сложных проблем природы детерминации.

5. Заключение: два пути самоидентификации философии в свете трансформации академической культуры

Какие выводы следуют из проведенного нами сравнительного анализа оппозиции натурализма и формализма в первой и во второй половине XX в. (включая наши дни)? Есть ли между ними «фамильное сходство»? Один из наших выводов состоит в том, что антитеза натурализма и формализма, по-видимому, является неперменной спутницей философии. Она порождена исторически изменчивой конкуренцией философии и науки, постоянной адаптацией философии к динамике научного знания и в то же время ее стремлением найти собственную нишу и отстоять самодостаточность и автономию. Конечно, нынешняя оппозиция сложилась в новую историческую эпоху, в иной когнитивной культуре и в ней фокусируются другие проблемы, однако переклички есть.

Разумеется, в наше время не столь актуальны многие проблемы, волновавшие Дьюи. Для него было важно отстоять деятельное назначение

философии в обществе. Он еще следовал старым (проповедническим) представлениям о просвещенческой — социальной и моральной — роли философии. Сейчас эта роль и понимается, и реализуется по-другому. Рорти, например, утверждал, что философия не имеет социальной, моральной или политической значимости; демократические идеи Дьюи и не совсем демократические идеи Ницше в равной степени не оказали влияния на мышление людей с улицы. Общественное сознание реагировало скорее на коллизии и проблемы политико-социальной и повседневной жизни, нежели на философские идеи. Поэтому представление о какой-то существенной связи между философией и политикой — это доставшаяся нам от прошлого иллюзия.

У аналитических философов нет таких иллюзий. Им чужд проповеднический взгляд на философию. На практике сознание гражданского общества в большей мере формируется политикой, масс-медиа, гуманитаристской и популистской литературой, нежели какими-либо философскими теориями. Однако аналитические философы остались верны когнитивному образу философии и убеждены в практической значимости своей работы. Все дело в том, что эти убеждения диктуются важными факторами — императивами, предъявляемыми к академической работе.

В книге «Американская академическая культура в процессе трансформации» (1998) Томас Бендер пишет, что весь послевоенный период был отмечен увеличивающейся профессионализацией всех дисциплин, включая гуманитарные, для которой морализм был помехой; эксплицитно или имплицитно они руководствовались моделью науки как образцом профессиональной зрелости. «Скрепляющим фактором университетского сообщества становятся не когда-то вдохновлявшие Дьюи высокие моральные цели, а им же высоко поднятый статус понятия “inquiry”»¹². Специализация и секуляризация проложили в Гарварде и других университетах дорогу формализму в общественных и гуманитарных областях, в том числе в философии, моделью работы которой становится наука.

Именно доминанты академической культуры, по большому счету, определяют господствующие типы философской практики. Обе рассмотренные нами методологии — априорная и натуралистическая — в конечном счете, сложились под влиянием «Большой науки», в которой используются как эмпирические и экспериментальные, так и формальные (точные) методы, и в этом не видится никакой оппозиции. Математические методы используются и в естественных, и в гуманитарных областях. Иное дело в философии. Под влиянием образцов академической деятельности философы, с одной стороны, озабочены логической строгостью предлагаемых аргументов и грамотностью концептуального аппарата, а с другой стороны, боязнь оторваться от практики науки, от ее эмпирических инноваций и превратиться в закрытый клуб интел-

лектуалов. Хотя концептуализм и натурализм — это разные методологии, обе они подстраиваются к императивам академической культуры и в этом отношении входят в органику университетской практики.

Разумеется, элитизм, характерный для современной англоязычной, прежде всего аналитической философии, вызывает недовольство. Публицисты обвиняют философов в том, что их деятельность по пониманию мира обставлена непонятными для публики рассуждениями, столь же сложными, как и в науке. На самом деле сциентизм и элитизм имеют свои причины, связанные с общей трансформацией когнитивной культуры. Эти трансформации следует учитывать российским философам, которые, рассуждая об аналитической или натуралистической философии, не всегда учитывают содержательные изменения. В российской литературе продолжает фигурировать созданный еще полвека назад имидж аналитической философии. Некоторые авторы в России полагают, что англоязычные философы (аналитики или не-аналитики) занимаются плетением кружев из аргументов, чтобы выделиться среди коллег способностью придумывать замысловатые узоры. Это не так, точнее, совсем не так. Конкуренция аргументов объясняется не удовольствием от их плетения, а тем, что на карту поставлено слишком важное, а именно — какой должна быть практика философии, чтобы сохранилась ее значимость в культуре. Рорти, например, считал, что гносеологическое дело философии проиграно, однако вердикт Рорти мало кто принял к сведению, во всяком случае, остается фактом, что философия ответила на него удвоенной энергией в доказательстве своей самодостаточности, «гносеологизма» и теоретизма.

Тем не менее, нельзя не отметить, что с точки зрения сохранения автономии философии ситуация, которая сложилась к началу XXI в., достаточно напряженная. Обе стратегии — концептуалистская и натуралистическая — чреваты нежелательными последствиями. Первая в большей мере сохраняет автономию философии, однако дистанцируется от мира. Вторая имеет свои подводные камни. Как мы уже отметили, отсылка к эмпирическим фактам не может быть надежной основой, поскольку факты постоянно реинтерпретируются. К тому же такая рефлексия превращает метафизическую деятельность философии в прикладную отрасль — философию науки. Последнее чревато тем, что от философии будут отрываться очередные куски и передаваться науке, как это уже произошло с математической логикой и философией языка. Как мы уже сказали, натуралистическая методология в последние годы послужила стимулом к появлению различных междисциплинарных «consciousness studies», представители которых на конференциях по сознанию все больше заглушают голоса философов. Одним словом, обе стратегии таят в себе угрозу потери философией ее статуса. Общий мой вывод таков: ситуация для автономии философии, которая создалась к началу XXI в., более опасна, нежели во времена Дьюи, когда авторитет

философии был непререкаем, а стандарты и доминанты профессиональной академической культуры только формировались.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Юлина Н.С. Философская мысль в США. XX век. – М., 2010.
- ² White M. Social Thought in America. The Revolt against Formalism. – Boston, 1957. – P. 11 – 12.
- ³ Дьюи Дж. Реконструкция в философии. – М., 2001. – С. 9.
- ⁴ Там же. – С. 42.
- ⁵ Rorty and His Critics / ed. by R.B. Brandom. – Oxford, 2000. – P. 7.
- ⁶ Rorty R. Philosophy in America Today // The American Scholar. 1982. Vol. 51. № 2. – P. 187.
- ⁷ Fish St. Truth and toilets: pragmatism and practices of life // The Revival of Pragmatism. New Essays on Social Thought, Law, and Culture / ed. by M. Dickstein. – Durham and L., 1998. – P. 419.
- ⁸ Rapineau D. Naturalism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. htm, 2007. – P. 17 – 18.
- ⁹ См.: The Blackwell Companion to Consciousness / ed. by M. Velmax, S. Schneider. – Malden (MA); Oxford, 2007.
- ¹⁰ Baars B.J. The Global workspace theory of consciousness // The Blackwell Companion to Consciousness. – P. 236.
- ¹¹ Frith Ch. and Rees G. A Brief history of the scientific approach to the study of consciousness // The Blackwell Companion to Consciousness. – P. 7.
- ¹² Bender Th. Politics, Intellect, and the American University, 1945 – 1995 // American Academic Culture in Transformation. Fifty Years, Four Disciplines / ed. with Introduction by Th. Bender and C.E. Schorske. – Princeton, 1998. – P. 27.

Аннотация

В статье рассматривается аналогия между нынешней оппозицией философов-натуралистов и аналитиков-концептуалистов в англоязычной философии, и оппозицией, которая обозначилась в конце XIX и начале XX в. между натуралистами (Дж. Дьюи и др.) и так называемыми формалистами, куда относили сложившуюся под влиянием Канта традицию применения категориальных схем, игнорирующих органическую включенность опыта в природу и культуру.

Ключевые слова: Дж. Дьюи, натурализм, формализм, историцизм, иллюзорность оппозиции «натурализма – формализма», Р. Рорти, С. Фиш, методологический дуализм, априоризм, апостериоризм, самоидентификация философии.

Summary

The article concerns with the analogy between the current opposition of philosophers-naturalists and conceptualists in analytic philosophy and the opposition delineated at the end of 19th – beginning of 20th centuries between naturalists (Dewey and others) and so-called formalists, who ignored the organic inclusion of experience into nature and culture.

Keywords: J. Dewey, naturalism, formalism, historicism, R. Rorty, S. Fish, methodological dualism, apriorism, aposteriorism, philosophy's self-identity.